

УДК 821.511.152
EDN VAFNHO<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В ПРОЗЕ В. МИШАНИНОЙ И Ю. КУЗНЕЦОВА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Н. Н. Левина

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
lev.nataliyana@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматривается раскрытие образа женщины в произведениях мордовских писателей В. Мишаниной и Ю. Кузнецова. Научная новизна исследования продиктована недостаточной изученностью интерпретации женского образа в прозе указанных писателей и реализована в сопоставительном аспекте их творчества.

Материалы и методы. Материалом исследования являются рассказы и повести В. Мишаниной и Ю. Кузнецова, в которых представлена галерея женских образов. Применение проблемно-эстетического, структурно-семантического и сравнительно-сопоставительного методов способствует продуктивному анализу произведений писателей относительно заявленной темы.

Результаты исследования и их обсуждение. В мордовской литературе сложились богатые традиции изображения женских образов. Научный интерес представляет творческий опыт прозаиков В. Мишаниной и Ю. Кузнецова, создавших целый ряд многогранных, запоминающихся женских образов. Автор статьи, ориентируясь на устоявшиеся традиции и индивидуальные предпочтения в изображении персонажной сферы, анализирует стратегию моделирования женского образа в прозе указанных писателей.

Заключение. Раскрывая сущность женских образов, каждый из писателей использует как комплекс традиционных средств репрезентации персонажной сферы, так и индивидуальные, авторские методики, обусловленные своеобразием художественного мировидения. Типы представленных авторами героинь полярны и неоднозначны. В Мишанина в своих произведениях отводит особое место образам одиноких женщин, мечтающих о личном и семейном счастье, или женщин-матерей, являющихся воплощением скромности, женственности и трудолюбия. В творчестве Ю. Кузнецова при наличии положительных женских образов наметилась иная тенденция. Героиням ряда его произведений свойственны легкомыслие, равнодушие, стремление к материальному обогащению, бездуховность. Однако в любом случае женские персонажи авторов представляют собой сложный комплекс целого ряда параметров, совокупность множественных личностно-психологических, духовно-нравственных характеристик.

Ключевые слова: женский образ, персонаж, автор, герой, проза, рассказ, повесть, сюжет, композиция, художественное средство

Для цитирования: Левина Н. Н. Интерпретация образа женщины в прозе В. Мишаниной и Ю. Кузнецова: сопоставительный аспект // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 3. С. 178 — 190. EDN VAFNHO

Original article

INTERPRETATION OF A FEMALE IMAGE IN V. MISHANINA'S AND Yu. KUZNETSOV'S PROSE: COMPARATIVE ASPECT

N. N. Levina

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian
lev.nataliyan@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article considers the embodiment of a female image in the works of such Mordovian writers as V. Mishanina and Yu. Kuznetsov. The novelty of the research is dictated by the insufficient study of the interpretation of a female image in the prose of these authors and is realized in the comparative aspect of their creativity, as well as in the inclusion in scientific circulation of some works that had not previously been studied in Finno-Ugric literary studies.

Materials and methods. The materials of the study are the stories and novellas of V. Mishanina and Yu. Kuznetsov, in which a gallery of female images is presented. The use of problem-aesthetic, structural-semantic and comparative methods contributes to a more productive analysis of the authors' works and disclosure of the stated topic.

The results of the study and their discussion. In Mordovian literature, there are rich traditions of depicting female images. From the point of view of the stated topic, the creative experiments of prose writers V. Mishanina and Yu. Kuznetsov, who presented a whole gallery of multifaceted, ambiguous and memorable female images, are of scientific interest. In this article, focusing on established traditions and individual writer's preferences in the representation of the character sphere, the strategy of modeling the female image in the prose of these authors is analyzed.

Conclusion. In the course of analyzing the prose of V. Mishanina and Yu. Kuznetsov, the author of the article comes to the conclusion that, revealing the essence of female images, each of the writers uses both a set of traditional means of representing the character sphere, and individual author's methods due to the originality of the artistic worldview. The types of heroines presented by the authors are polar and ambiguous. V. Mishanina in her works assigns a special place to the images of single women, who dream of personal and family happiness, or mothers, who are the embodiment of modesty, femininity, hard work. In the works of Yu. Kuznetsov, despite the presence of positive female images, a different trend has emerged. The heroines of a number of his works are characterized by frivolity, indifference, the desire for material enrichment, lack of spirituality. However, in any case, the female characters of the authors represent a complex set of a number of parameters, a set of multiple personality-psychological, spiritual and moral characteristics.

Keywords: female image, character, author, hero, prose, short story, novella, plot, composition, artistic medium

For citation: Levina NN. Interpretation of a Female Image in V. Mishanina's and Yu. Kuznetsov's Prose: Comparative Aspect. *Bulletin of the Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(3):178—190. EDN VAFNHO

Введение

Художественную литературу невозможно представить без образа женщины. В произведениях писателей, относящихся к разным эпохам, ей всегда отводилось особое место. Одни воспевали образ стойкой, честной, способной ради любви на любые жертвы женщины, другие восхищались ее физической силой, здоровьем и трудолюбием, для третьих главной добродетелью женщины была ее супружеская

верность. Однако у каждого автора данный образ представляет собой сложный комплекс целого ряда параметров, связанных с общественными установками и требованиями.

В людском сознании еще с давних времен сложились ценности, согласно которым женщина всегда отвечает за вынашивание детей, проявляет заботу о домочадцах, выполняет работу по дому и т. д. В связи с этим сформировался образ верной жены и хорошей матери, являющийся воплощением добродетели, верности, скромности, женственности и трудолюбия.

В мордовской литературе также сложились богатые традиции изображения женских образов. В художественных произведениях, написанных в разные периоды и в различных жанрах, перед читателем предстает широкая галерея женских персонажей во всем многообразии внешних характеристик и внутренних интенций: «От идеализированных, созданных на основе использования фольклорных традиций, до глубоко реалистичных, проявляющих себя в различных сюжетных коллизиях» [7, с. 12]. Образцом супружеской верности, трудолюбия, бескорыстности, доброты и честности являются: Луша — драма «Учительница» П. Кириллова, Настя — повесть «Совесть» С. Ларионова, Аня Преснякова и Цямкаиха — роман «Трава-мурава» И. Девина, Аксинья Филипповна — повесть «Пятый сын» Г. Пинясова, Мария Ивановна — поэма «Ясные глаза» А. Тяпаева и др. Писатели наделяют героинь реалистичными чертами, традиционно прописывая положительные качества: они заботливые, любящие, способные к самопожертвованию, обладающие высокой нравственной силой.

С точки зрения специфики изображения женского образа интерес представляет проза В. Мишаниной и Ю. Кузнецова. Следуя традициям мордовской литературы в раскрытии женских персонажей, каждый автор в то же время привнес оригинальность в решение отмеченной проблемы. В сравнительном плане в творчестве авторов можно наблюдать как однотипных героев, наделенных традиционными качествами, так и кардинально противоположную крайность: наличие полярных героев и чувств. В. Мишанина, раскрывая перипетии женской судьбы, тяготеет к идеализации внутренних качеств героинь, Ю. Кузнецов — сочетает нравственное поведение в контрасте с непристойным. При этом у каждого автора имеется свой богатый арсенал художественных средств и методов.

Материалы и методы

Материалом исследования являются рассказы и повести В. Мишаниной и Ю. Кузнецова, впервые подвергающиеся научной рефлексии и наиболее продуктивные с точки зрения заявленной темы. В связи с тем, что статья направлена на изучение особенностей писательской стратегии прозаиков, а также выявление сходства и различия в раскрытии женского образа в их произведениях, в литературоведческом исследовании был выбран системный подход, реализуемый посредством применения совокупности проблемно-эстетического, структурно-семантического и сравнительно-сопоставительного методов. Разноаспектный подход способствует более продуктивному анализу произведений авторов.

Обзор литературы

Современное литературоведение имеет богатый опыт научного осмысления женских персонажей в художественной словесности. Вопросы интерпретации жен-

ского образа являются объектом пристального внимания как в целом отечественных¹ [4; 6; 10], так и, в частности, национальных исследователей² [2; 3; 9].

Критическое осмысление художественного опыта В. Мишаниной продолжается на протяжении всего творчества. Исследователи анализируют формально-содержательные вопросы и проблемно-тематические направления произведений автора. Отдельные работы посвящены интерпретации женского образа в ее прозе [3]. Внимание ученых вполне обоснованно сфокусировано на наиболее ярких женских персонажах: Анастасия Львовна («Дымное утро»), бабка Наталья («Человек на дороге»), бабка Акулина («Жила-была бабка Акулина») и др. Анализу подвергаются излюбленные автором элементы, методы и средства раскрытия женских образов, в их числе портретные характеристики, внутренние монологи, воспоминания, самоанализ и т. д. Однако в сравнительном плане женская персонажная сфера произведений В. Мишаниной не рассматривалась.

При анализе творчества Ю. Кузнецова особое внимание уделяется способам организации художественного материала, специфичности сюжетно-композиционных решений, обилию внесюжетных отступлений и т. д. В плане анализа образной системы исследователи характеризуют главных героев, вокруг которых группируются эпизоды повествования, целенаправленно не акцентируя внимание на особенностях раскрытия женских персонажей. Следовательно, женские образы в прозе Ю. Кузнецова глубинного анализа не получили.

В целом, несмотря на значительный вклад исследователей в изучение женского образа в творчестве рассматриваемых писателей, системный подход в решении данной проблемы отсутствует. Отмеченные работы ученых представляют, как правило, анализ отдельных женских персонажей в единичных произведениях. Таким образом, статья призвана дополнить имеющиеся изыскания и заключения по изучению женских персонажей в творчестве В. Мишаниной и Ю. Кузнецова, а также дать самостоятельную научную оценку по актуализированной теме.

Результаты исследования и их обсуждение

Женский образ становится объектом писательского интереса в творчестве В. Мишаниной и Ю. Кузнецова. Его моделирование в прозаическом опыте каждого из них складывалось с учетом особенностей творческого мировидения.

Специфической чертой творческой манеры В. Мишаниной можно считать ее желание передать психологическую атмосферу современности, раскрыть социальные противоречия в обществе и мировоззренческие позиции отдельной личности, что отразилось на художественно-стилевых поисках писательницы и привело к драматизированным ситуациям. Тяготение к драматическим, а в ряде случаев и трагическим сюжетам, наблюдается во всем творчестве автора. Ю. Кузнецов известен в мордовской литературе как мастер лирической прозы. Основной характеристикой его творчества являются наличие внесюжетных элементов в структуре произведе-

¹ Современная русская литература конца XX — начала XXI века: учеб. пособие / С. И. Тимина [и др.]. М., 2011. 384 с.

² Имяреков М. Г. Писательсь и эряфсь: мокшэрзянь писательхнень творческяй портретсна: учеб. пособия школатненди и вузтненди. (Писатель и жизнь). Саранск, 1992. 384 с.

ния, эмоциональность стиля, личная причастность и прочувствованность, исповедальность и обязательное вторжение в эмоциональный и чувственный мир персонажей. Как следствие, в произведениях В. Мишаниной и Ю. Кузнецова можно выделить совершенно разные, а подчас диаметрально противоположные женские образы. В первом случае это любящая женщина и добрая мать, во втором — холодная и эгоистичная. Однако необходимо отметить, что в творчестве Ю. Кузнецова не все женские образы показаны в подобном ракурсе. Например, в произведениях «Жена Никиты», «В город, к сыну» женские персонажи наделены положительными качествами и являются образцами добродетели, материнства, верности и трудолюбия.

Обращаясь к творчеству В. Мишаниной, отметим, что героини писательницы следуют общепринятым стандартам, осознают и выполняют свои обязанности в семье и обществе. Ее персонажи соотносятся с нормами этики и морали.

В рассказах «Колдунья», «Жила-была бабка Акулина», «Дымное утро», «Человек на дороге», «Слепое село» и повестях «Ворота времени», «Комок масла» В. Мишаниной удалось создать целый ряд образов с различными личностными характеристиками и миропониманием, но объединенных одним связующим звеном: ее персонажи наделены лучшими чертами женского характера. Они склонны к душевным переживаниям, размышлениям о собственной судьбе и мечтают о любви и счастливой личной или семейной жизни.

В ряде произведений В. Мишанина создает особый тип женского образа — образ матери. Так, в рассказе В. Мишаниной «Раечка» материнство «является цементирующим началом целостной системы женских образов и мотивов» [8, с. 33]. Героини рассказа — женщины-матери, по воле случая оказавшиеся в одной больничной палате. Многие из них уже имеют опыт материнства. Общая проблема собрала их в единое пространство — недоношенные дети. Описываемый случай происходит в детской больнице.

Автор не дает подробных характеристик героиням, не высвечивает мельчайшие детали их души, пристально и глубоко не заглядывает в их внутренний мир. Средством художественного выражения мировоззренческих позиций своих героинь В. Мишанина избирает диалог в сочетании с авторскими описаниями. Они являются основными в раскрытии характеров персонажей и создают форму реалистического изображения больничных будней, позволяют разглядеть психологическое состояние и отношение к материнству каждой героини.

Женщины, собравшиеся в палате, по-разному смотрят на окружающий мир и материнство. Не каждая из них в полной мере осознает роль матери и испытывает счастье. Кто-то молча погружается в материнские заботы. Вера Бочкова, например, души не чает в своих близнецах, искренне переживает за их выздоровление. Тоня Сонина с любовью и умилением шьет чепчик для новорожденного. Раечка из любви и жалости подкармливает брошенных детишек-«отказников». Ирина Мочалова, единственная в палате, которая имеет высшее образование, старается изобразить из себя порядочную и принципиальную женщину-мать. Она осуждает Раечку за долгое отсутствие и многодетность, считает, что детей должны рожать только высокоинтеллектуальные люди. Ирина, будучи уверенной в своей правоте, рассуждает, что такие, как Раечка портят человеческий род, поскольку у них плохая наследственность: *Наследственность эдак ковага аф туют. А церасть, мярьктяма,*

ланга нямс касы удалафста, китимонга-марамонга тонады. А пряц ляды шавокс, Раюнянь лаца...³ («От наследственности никуда не денешься. Парень, скажем, вырастет внешне привлекательным, и плясать, и петь научится, а голова все равно будет пустая, как у Раечки...»)⁴.

В центре внимания автора находится Раечка. Интерпретируя данный образ, арсенал художественных средств В. Мишаниной более широк, чем в остальных случаях. Автор прибегает к портретным характеристикам, делает акцент на манере общения, динамично доносит до читателя авторское отношение к героине. Неприметная Раечка наделяется наивностью, скромностью, излишней простотой. В некоторой степени она выглядит даже глуповатой. Первое знакомство с ней описано несколько иронично. Выражения «глупо улыбалась», «верхняя зайчья губа вытянулась», «лицо накрашено, будто играючи» характеризуют ее как бесхитростную простодушную женщину. Ей чуть больше сорока лет, лицо и руки покрыты морщинами, и внешне она больше похожа на бабушку, чем на мать. Она не отличается ни красотой, ни интеллектуальными способностями. Из скупых разговоров женщины мы узнаем, что она мать пятерых детей. Становится очевидным, что в ней крепко заложен материнский инстинкт, который сильнее любых человеческих потребностей. В ее наивных оправданиях за длительное отсутствие в больнице прослеживается большая тревога за своих детей. Жестокая шутка Ирины Мочаловой о том, что ребенок Раечки за время ее отсутствия уже усыновлен другими родителями, позволила раскрыть тонкости души, внутренний мир героини, обнажила самое сокровенное, что есть у нее на сердце.

Раечка равнодушна и к чужим детям. Она проводит время с «отказниками», кормит их и ухаживает за ними. Ее материнский образ раскрывается в финале рассказа, который заканчивается весьма неожиданно: образованная, принципиальная Ирина Мочалова, так и не дождавшись вымышленного мужа, неожиданно исчезает, бросив ребенка. Раечка, как и ожидалось, готова его забрать себе.

Таким образом, Раечка в одноименном рассказе В. Мишаниной изображается как «вечная мать», способная реальным поступком осуществить возложенную на нее великую миссию сохранения жизни, духовных основ народа и утверждения его национального достоинства.

Еще одним широко распространенным типом художественного образа, встречающимся в художественной практике В. Мишаниной, является образ одинокой женщины, имеющей характерные черты. Писательница выстраивает «художественную концепцию одиночества, в которой эксплицируются мировоззрение, духовные ценности и нравственные ориентиры, психологическое состояние персонажа» [3, с. 7]. Одиночество в произведениях автора является главным испытанием в жизни женщины. В данный концепт автор вкладывает различные смысловые значения. Например, в рассказе «Жила-была баба Куля» автор рисует образ престарелой матери, которая безуспешно ожидает покинувших ее и погруженных в суету города

³ Мишанина В. И. Озкс тумоть тарадонза (Ветви священного дуба). Саранск, 1992. С. 157 (Далее ссылки на этот источник даны в тексте в круглых скобках с указанием страницы).

⁴ Здесь и далее перевод автора. — *Н. Л.*

детей. В рассказах «Начало пути» и «В пустом доме» осмысливается образ преданной мужем женщины, в «Дымное утро» и «Человек на дороге» доминирующим объектом осмысления являются невоплощенные в жизни женщины ценности, такие как семья и материнство.

Сложность женской судьбы, содержательность и многоплановость организации ее внутреннего мира находятся в центре внимания повести «Комок масла». Сюжетный ход повести построен на противопоставлении женских персонажей, наделенных разными взглядами на окружающую действительность и ведущих различный образ жизни.

Обнажая перипетии женской судьбы, писательница погружает читателя в атмосферу повседневного быта, что позволяет говорить о традиционности темы и сюжета. Несмотря на индивидуализированные черты, вполне традиционным выглядит образ одной из героинь повести — Дарюни. Вскоре после замужества мечты женщины о счастливой семейной жизни разрушились, сменились бытовыми проблемами, бесконечной заботой о муже и детях. Автор наделяет ее терпеливым характером, кротким нравом, умением прощать и понимать других. Она добра, скромна, покладиста и трудолюбива. Ее будни монотонны и однообразны. Уже первое знакомство с ней дает достаточно полное представление о героине: *Дарякась, ведьгемонь ветие кизоса авась, но лангозонза ванозь тага кемонь прибават. Шамац керсеф туркс-накось срмафксса, ингольце кафта или колма пееENZA ашесть сатне, сяс вярденъ трвац аф ламода ваяфоль потму и корхтась чошназь, фкя сельмоц кода-бди сяда сидеста чипнась и фалу летьканалъ, и авась эрь-мезне нарнезе сонъ аф няк ару инголькс пенц мархта* (Мишанина, с. 6) («...Тетка Дарья, пятидесяти пяти лет женщина, но, глядя на нее, можно еще десяток накинуть. Лицо вкривь и вкось изрезано морщинами, не хватало двух или трех передних зубов. Ее верхняя губа провалилась вниз, говорила шепеляво. Один глаз моргал как будто чаще и был влажным. Женщина каждый раз вытирала его краем грязноватого фартука»).

С точки зрения специфики женского характера, внутреннего содержания, мировоззренческих позиций наибольший интерес представляет другая героиня повести — Ольга, олицетворяющая тип эгоистичной женщины-соблазнительницы. Оригинальность раскрытия ее образа заключается в соединении психологических состояний и внешней манеры поведения. Автор не скупится на смелые описания, меткие характеристики: подчеркивает ее красоту и яркую внешность, энергичность, внутреннее кипение чувств и мыслей. Рисуя ее внешний портрет, автор отмечает: *Щаф аруста, акша руцяня келенза фталу сотфт, тежда кофтаняц вярденъ пунянза апак пунктакт, улонц кандсы вяръаг... аськоляй, бта картинаста сьаф* (Там же, с. 9) («Одета опрятно, белый платок повязан назад, верхние пуговицы легкой кофточки расстегнуты, подбородок приподнят... шагает, как будто с картины сошла»). Ольга живет в достатке, наслаждаясь всевозможными доступными развлечениями деревенской жизни. Она молода, уверена в себе, самодостаточна. В ней ярко выражены кокетливость, эгоистичность и раскрепощенность. Этическая оценка по отношению к ней достаточно сурова, сельчанами она воспринимается женщиной-соблазнительницей.

Внутренний мир и психологическое состояние героини во многом противоречат ее внешней организации. Демонстрируя удовлетворенность жизнью, Ольга скрывает внутренний дискомфорт, испытываемый состоянием одиночества, переживает

разочарование в личном счастье, отчаяние, ранимость. Однако невозможность в условиях деревенской среды что-либо изменить в жизни приводит ее к осознанию своего положения, и одиночество в конечном счете становится привычной, будничной для нее атмосферой. Героиня при этом не поддается негативным эмоциям, в ней есть решительность и житейский ум, она сильна и независима. По отношению к ней автор допускает прием исповедальности, посредством чего обнажаются ее внутренние страсти и переживания.

В. Мишанина создает целую систему женских образов. Женская тема в ее прозе реализуется в форме поиска женского счастья. Героини писательницы яркие и незабываемые, радуются материнству, борются за личное счастье, мечтают о семье и детях. Они отличаются богатством внутреннего мира и жизнестойкостью.

В творчестве Ю. Кузнецова наметилась тенденция изображения женщин, образы которых противоречат традиционным представлениям. Автор в некоторой степени опровергает тип персонажей, ассоциирующийся с такими понятиями, как доброты, верность, забота, сострадание, любовь и т. д. Образ женщины под пером писателя претерпевает изменения и приобретает дополнительные характеристики. Автор, в отличие от В. Мишаниной, создает несколько иной женский образ — холодный и эгоистичный. Такие женщины думают о личном счастье, собственной выгоде, забывая о супружеской верности и о материнском предназначении. Они не обременяют себя решением бытовых, повседневных проблем, при выборе между семьей, воспитанием ребенка и личной жизнью выбирают последнее. В связи с этим созданный прозаиком мир взаимоотношений женщины и мужчины, матери и ребенка даже бессердечен. Причина искажения женского начала и материнского чувства часто кроется в личной неустроенности, стремлении к материальному достатку.

Ю. Кузнецов, как и В. Мишанина, обращается к раскрытию материнского образа. Однако его героини в ряде рассказов плохо справляются с этой ролью и не наделены способностью осознать это.

Ярким примером такого образа становится Матрена Михайловна из рассказа «Три апельсина». Забота о сыне Вите, его воспитание, передача традиционных ценностей уходят у матери на второй план. Женщина трижды была замужем, но устроить личную жизнь ей так и не удалось. Отношения с третьим мужем-пьяницей вынудили ее отдать сына на воспитание сестре Елене. Теперь ей примерно пятьдесят, и она одинока. Рассуждения женщины о том, что счастье матери — в детях, теряют убедительность и искренность сразу после того, как Матрена Михайловна сообщает о больших материальных затратах на сына: — *Идьфтома кодама паваз? Синь — минь марнек радостеньке, марнек заботаньке. Аноконди тейнза рамсян. Вов! — панжезе шифоньертъ, — няйкак ты пальтатъ? Мзярошка, арьсят, питнец? <...> Сядода лама лункфтасть кядьстон инксонза — вов мзяра! <...> А кода ты костюмъ? Костюмъ бостоноваяель. Вага ты забота! <...> — Пальтотъ коряс аф сяда уцезста стаясь. Сай Витясь инжикс, няйсы, кода тядяц заботендай кувалманза⁵ («— Какое счастье без детей? Они — вся наша радость, вся забота. Заранее ему*

⁵ Кузнецов Ю. Ф. Кочкаф произведеният кафта томса. 1 томсь: Азкст (Избранные произведения). Саранск, 2005. Т. 1 (Далее ссылки на этот источник даны в тексте в круглых скобках с указанием года, тома и страницы).

все покупаю. Вот! — открыла шифоньер, — видишь это пальто? Сколько, думаешь, стоит? <...> — Больше сотни с меня за него содрали — вот сколько! <...> — А как тебе этот костюм? Костюм бостоновый. Вот это забота! <...> — Не дешевле пальто обошелся. Приедет Витя в гости, увидит, как мать о нем заботится»).

Акцент героини на материальном обеспечении сына задает тон всему произведению. Женщина говорит, что денег ей не жалко, но при этом неоднократно подчеркивает, что затраты на сына и родственников, воспитывающих его, немаленькие. Любая сцена в рассказе сопровождается рассуждениями героини о денежных вложениях в сына. Эпизод встречи родственников раскрывает сущность Матрены Михайловны и убеждает, что героиня рассказа не является заботливой матерью. Однако она считает, что в полной мере заботится о сыне и делает для него все. То, что материнская забота ограничивается только материальным обеспечением, женщину не смущает. О душевных переживаниях сына она не имеет представления и не стремится это узнать.

Автор различными деталями неоднократно подчеркивает ее равнодушие при встрече с родственниками: «Холодно смотрели ее узкие глаза», «она не суетилась, как бывает в таких случаях», «она говорила так, как будто за столом никого не было», «при разговоре с сыном голос матери почему-то становился грубым». Далее при характеристике героини автор часто использует эпитет «злой» («зло посмотрела», «вышла злая» и т. д.). При этом Матрена Михайловна искренне не понимает, почему мальчик не зовет ее мамой. Этот вопрос в рассказе ставится несколько раз. Рассуждения женщины на эту тему вполне логичны, но воспринимаются в некоторой степени иронично и не вызывают сочувствия к ней, поскольку роль матери в них в конечном счете опять сводится к материальному обеспечению сына. В сложившейся ситуации героиня винит сестру, воспитывающую мальчика: *Мон аф павазу аван <...> Тя синь аерфтозь эздон идезень. Омбоце шись ни эряй, а „тядяй“ вестеньге ашезь мярге. Но шарьхкодьсы!.. Касы и шарьхкодьсы, кие сонь тядяц. Кие Еленати кудонь путомс ярмак макссесь? Мон! А кие кизонда тейст ярмак кучсесь? Тага мон! А кода тяда меле Еленать совестец саты корхтамс <...> Тонь, кле, лемце аньцек тядянь, кульсак? Тя монь, кона мезенца аф ужьяльдьсы иденц инкса!* (Кузнецов, 2005, т. 1, с. 225) («Я несчастная женщина <...> Это они отняли у меня дитя. Второй день у меня находится, а мамой ни разу не назвал. Но поймет!.. Вырастет и поймет, кто его мама. Кто Елене дал денег на строительство дома? Я! А кто им летом деньги присылал? Опять я! И как после этого Елене совесть позволяет говорить <...> Ты, говорит, только зовешься мамой. И это про меня, которая ничего не жалеет для своего ребенка!»).

Порывы и чувства в душе Матрены Михайловны противоречивы. Показное отчаяние, что сын не называет ее мамой, сменяется неподдельным раздражением. Она не может скрыть злость, когда Витя испортил ее платье, купленное за семьдесят рублей: *Ну, мезе эздонза сьват? Содаф ни, веле... Кодама воспитания тоса максыхть?* (Там же, с. 224) («Ну что с него возьмешь? Понятное дело, деревня... Какое воспитание там могут дать?»).

Разрыв между матерью и сыном очевиден. Он не только физический, но в первую очередь духовный. Они разделены расстоянием и между ними нет никакой внутренней связи. Оказавшись на некоторое время рядом, оба испытывают диском-

форт. Мальчику неуютно и неловко в доме матери. Это пространство для него непривычно и чуждо. Он замкнут, стеснен и закомплексован. Привычный ритм жизни Матрены Михайловны также нарушен присутствием сына. Она раздражена его манерами поведения. Материнский инстинкт, ласка, природой заложенные в любой женщине, уступают место упрекам, замечаниям, повышенному тону, поэтому отъезд сына приносит ей нескрываемое облегчение: *Бта панда лангстон веляф-тонь* (Там же, с. 225) («Как будто камень с плеч»).

Каждая условно выделенная часть рассказа заканчивается ключевой мыслью, раскрывающей внутреннюю сущность героини. В первой части после отъезда родственников Матрена Михайловна резюмирует: *Аф, кода кельк, а ськамот эрямась сядя пара* (Там же) («Нет, что ни говори, а одной жить лучше»). Вторая часть завершается риторическим вопросом Матрены Михайловны: — *А мес Витясь аф мярь-ги тейне «тядйй»?* (Там же, с. 227) («— А почему Витя не называет меня мамой?»).

Таким образом, еще задолго до финала рассказа становится очевидным, что Матрена Михайловна не справляется с ролью матери, поскольку осознает ее только в материальном обеспечении сына. В ней не заложена основная исторически сложившаяся гендерная роль женщины — быть матерью.

Особый авторский подход в изображении женского образа отмечен в повести Ю. Кузнецова «Подождите, быстрые облака...». Здесь прозаиком представлен образ неверной супруги, матери, лишенной заботы о детях. Следует уточнить, что образ женщины в повести не является центральным, но ему уделяется значительное внимание и его роль принципиально важна для анализа общей «концепции женщины».

Необходимо отметить, что в мордовской литературе редко затрагивается тема супружеской измены со стороны женщины. Женская нравственная несостоятельность и образ неверной жены непривычен как для самих авторов, так и для читателей. Писатели традиционно опираются на четкие представления о предназначении женщины в семье: быть хранительницей домашнего очага, верной супругой и заботливой матерью. Сложившиеся представления подкрепляются традициями, общественным мнением, моральными нормами, религией и т. д.

Учитывая устоявшиеся тенденции в изображении женского образа в мордовской литературе, можно сказать, что Ю. Кузнецовым был брошен некий вызов, поскольку героиня повести Маргарита Славина воплощает в себе достаточно редкий, нехарактерный для национальной словесности тип персонажа — неверной жены. Важно, что героиню не мучают угрызения совести, не волнует мнение окружающих, ей чужда рефлексия. Однако автор благосклонен к ней: интерпретирует ее не как воплощение греха и единственную виновницу своего положения, а, прежде всего, как жертву общественного устройства.

В начальной части произведения сообщается финал всех происходящих событий — известие о гибели центрального персонажа Михаила Славина, молодого талантливого писателя. Далее автор шаг за шагом раскрывает причину трагической развязки.

Конфликт в повести вполне типичен — это семейная драма, основой которой стало столкновение героев различных жизненных позиций. Он раскрывается на персонажном уровне, поскольку образная система произведения построена по принципу дифференциации. Поляризация героев особо подчеркнута автором. Они от-

личаются друг от друга характером, ценностными ориентирами, жизненными позициями. При этом писатель не просто подчеркивает противоположность персонажей, он дает подробные психологические характеристики героев и выявляет мотивы поведения.

Михаил Славин — талантливый, одаренный, порядочный и высоконравственный человек. Он наделен светлым умом, щедростью души, отличается мягкостью характера и скромностью. Различные грани его характера раскрываются через его переживания, размышления, чувства, ассоциации и воспоминания.

Супруга главного героя Маргарита, напротив, не наделена нравственными и моральными качествами. Автор отказывается от «вечного» образа верной жены в художественной литературе. Модель поведения женщины строится на обывательско-мещанской психологии, которая убивает в ней заложенную природой духовную и телесную чистоту. Рита игнорирует традиционные семейные ценности: верность, любовь, взаимоуважение, домашний уют, святость материнства. Представления о семейном счастье у нее размыты. Жажда денег, ложь, интриги против мужа овладели ее сознанием, а супружеская измена стала обыденным явлением. Подобная позиция объясняется неудовлетворенностью женщины социальной ролью жены, поскольку она предусматривает целый ряд обязательств и накладывает определенные общественные запреты.

Пороки супруги мучали Михаила, тяжело воздействовали на его сознание. Ложь и клевета Риты сломили его. Михаил с нескрываемой обидой делится со своим другом: *Работама вастозон кармасть сашендома анонимкат, фкясь, омбоцесь... Кле, тинь работниконте Славин Михаил Тимофеевич кальдявста вятьсы прянц кудса, затыявакини скандалхт-мечь, паньцесы рьванц, сяс сянди, беднайти, сидеста сашендови утцемс шабратнень пяле. Примада, кле, мерат, а то ефси кедьстонза лисенди*⁶ («На работу стали приходиться анонимки, одна, другая... Мол, ваш работник Славин Михаил Тимофеевич плохо себя ведет дома, затевает скандалы, прогоняет жену, поэтому ей, бедной, часто приходится ночевать у соседей. Примите, мол, меры, а то совсем из кожи вон лезет»). Не составляет труда догадаться, кто пишет подобные доносы.

Михаил не смог смириться с нравственной несостоятельностью супруги. Вульгарный и постыдный образ жизни жены толкает его на отчаянный шаг — самоубийство.

Таким образом, в повести «Подождите, быстрые облака...» показан конфликт между духовным и материальным мирами: Рита гонится за материальной выгодой, а Михаил стремится к нравственным идеалам. Это противостояние приводит к семейной трагедии. Автор подчеркивает важность духовной составляющей человеческой жизни. Отдаляясь от духовных основ жизни, люди становятся безразличными, при этом устоявшиеся веками представления о семье и браке теряют ценность.

Заключение

Раскрытие женского образа в литературе имеет давние традиции. Каждая литературная эпоха выдвинула целую галерею ярких персонажей. С течением време-

⁶ Кузнецов Ю. Ф. Кочкаф произведения: кафта томса. 2 томсь: Повесть. Саранск, 2007. С. 265.

ни образ женщины в художественной словесности переосмысливался: «Углублялся психологизм, усложнялся, становился многограннее внутренний мир» [1, с. 8].

Широкая панорама женских образов, созданных мордовскими писателями В. Мишаниной и Ю. Кузнецовым, представляет собой совокупность целого ряда параметров. Их персонажи наделены «определенными качествами, характеристиками, как типическими, так и индивидуальными, в зависимости от авторских установок, целей, идейно-художественного наполнения каждого произведения» [4, с. 102]. При всей традиционности творчества прозаики создают целый ряд совершенно разных, диаметрально противоположных женских образов, наделяя их разными ролями: престарелой матери, одинокой женщины, брошенной жены, неверной супруги и др.

Типы женских персонажей В. Мишаниной разноплановы, позиция автора к ним открыта и однозначна. Личные предпочтения и жизненные установки писательницы прослеживаются в традиционных, по внутренним качествам приближенных к идеалу образах. Ее героиням приходится подчиняться воле судьбы, жить в смиренности, они часто лишены личного или материнского счастья. Однако каждая из них обладает неким внутренним стержнем и силой, позволяющим пережить все перипетии женской судьбы.

В ряде произведений Ю. Кузнецова представлен эгоистичный и вульгарный женский тип. Героини его рассказов и повестей разрушают традиционные для мордовского читателя представления о скромности, верности и жертвенности. Автор, интерпретируя женские образы, выдвигает на передний план удовлетворение ими не духовных, а материальных и физиологических потребностей. Важными критериями, характеризующими персонажей писателя, можно считать отсутствие у них саморефлексии и способности к критическому анализу действий и поступков.

Анализ произведений В. Мишаниной и Ю. Кузнецова показал, что, отражая реалии жизненного уклада, писатели не копируют действительность, а стремятся к ее преобразованию, что позволяет наполнить художественные образы авторскими мыслями, ощущениями и специфическими чертами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдуллина А. Ш., Латыпова Е. Э. Женские образы в прозе Л. Улицкой // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филологические науки. 2017. Вып. 105. № 3 (399). С. 7 — 14.
2. Алешкин А. В. Арьсемат: литературно-критическая сёрматксонь кярьмаз (Размышления: литературно-критические статьи). Саранск: Морд. кн. изд-вась, 1989. 197 с.
3. Антонов Ю. Г., Шеянова С. В. Концепция одиночества в современной мордовской литературе // Вестник угроведения. 2016. № 1. С. 7 — 13.
4. Головина Е. В. Категория «Художественный женский образ» в лингвистике и литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65). Ч. 1. С. 100 — 104.
5. Карташова Е. Н. Особенности репрезентации образа одинокой женщины в прозе В. М. Шукшина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 3 (30). С. 68 — 71.
6. Киселева Т. Г. Женский образ в социокультурной рефлексии. М.: МГУКИ, 2002. 230 с.
7. Лобанова О. В. Образ женщины в ментальном поле мордовского этноса: историко-культурный анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006. 22 с.
8. Латыпова Е. Э., Абдуллина А. Ш. Материнство в ценностной системе романа Л. Е. Улицкой «Медея и ее дети» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76). Ч. 1. С. 33 — 35.

9. Малькина М. И., Кубанцев Т. И. Повесть: обновление традиций // Современная мордовская литература (60 — 80-е годы): в 2 ч. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. Ч. 1. С. 134 — 158.
10. Храпченко М. Б. Горизонты художественного образа. М.: Худож. лит., 1986. 439 с.

Статья поступила в редакцию 01.06.2023; одобрена после рецензирования 07.07.2023; принята к публикации 10.07.2023.

Информация об авторе:

Наталья Николаевна Левина, доцент кафедры финно-угорской филологии Национально-исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), кандидат филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-8607>, lev.nataliyan@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Abdullina ASH, Latypova EE. Female Images in the Prose of L. Ulitskaya. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Ser. Philological Science*. 2017;105(3):7—14. (In Russ.)
2. Aleshkin AV. Reflections. Literary and Critical Articles. Saransk;1989. (In Russ.)
3. Antonov YuG, Sheyanova SV. The Concept of Loneliness in Modern Mordovian Literature. *Bulletin of Ugric Studies*. 2016;(1):7—13. (In Russ.)
4. Golovina EV. Category “Artistic Female Image” in Linguistics and Literary Studies. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*. 2016;(11);1:100—104. (In Russ.)
5. Kartashova EN. Features of the Representation of a Single Woman Image in V.M. Shukshin's Prose. *Topical Issues of Modern Philology and Journalism*. 2018;(3):68—71. (In Russ.)
6. Kiseleva TG. Female Image in Socio-Cultural Reflection. Moscow; 2002. (In Russ.)
7. Lobanova OV. A Female Image in the Mental Field of the Mordovian Ethnos: Historical and Cultural Analysis. Abstract of dis. ... Cand. of Hist. Sci. Saransk;2006. (In Russ.)
8. Latypova EE, Abdullina ASH. Motherhood in the Value System of L. E. Ulitskaya's Novel “Medea and her Children”. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*. 2017;(10);1:33—35. (In Russ.)
9. Malkina MI, Kubantsev TI. Novella: the Renewal of Traditions. *Modern Mordovian Literature (60 — 80s)*. Saransk;1991:134—158. (In Russ.)
10. Khrapchenko MB. Horizons of the Artistic Image. Moscow;1986. (In Russ.)

The article was submitted 01.06.2023; approved after reviewing 07.07.2023; accepted for publication 10.07.2023.

Information about the author:

Natalia N. Levina, Associate Professor of Department of Finno-Ugric Philology of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-8607>, lev.nataliyan@yandex.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.